

Перемены и преемственность

Что зависит, а что не зависит
от личностей во внешней политике Франции

Паскаль Бонифас

Смена руководства в любой стране всегда вызывает беспокойство внешне-политических ведомств других государств, опасаящихся глобальных перемен. Каковы бы ни были разногласия с прежней властью, к ней успевают привыкнуть и берутся с известной точностью предугадать ее действия. Приход на высшую государственную должность нового человека всегда вызывает некоторую озабоченность. Неизвестное часто таит опасность. Вот и Франсуа Олланд, новый хозяин Елисейского дворца, в министерствах иностранных дел большинства стран воспринимался как темная лошадка.

Соединенные Штаты опасались прихода менее «проамерикански» настроенного президента. В Израиле считали, что в лице Николя Саркози потеряли верного друга. Европейские страны желали знать, каковы планы Олланда в области экономики. Даже в Москве чувствовалась обеспокоенность. Кремль привык к Саркози. То, что во время предвыборной кампании 2007 г. он заявлял о нежелании пожать руку Путину, забыли. Теперь тревогу вызывал вопрос, не займет ли Олланд непримиримой позиции по отношению к России.

В прошлом Франсуа Олланд был больше известен как экономист и специалист по внутренней политике, он почти никогда не отваживался высказывать мнение по геополитическим проблемам – даже когда занимал пост первого секретаря Социалистической партии. Во время предвыборной кампании 2012 г. внешнеполитические вопросы также отошли на второй план.

Николя Саркози рассчитывал воспользоваться неопытностью Франсуа Олланда в международных делах. Действующий президент хотел извлечь выгоду из своего общения с великими мира сего, кичась фотографиями, на которых он красуется рядом с Обамой, Путиным, Ху Цзиньтао и Пан Ги Му-

Паскаль Бонифас – директор Института международных и стратегических отношений (*IRIS*), Париж.

ном, тогда как Олланд мог похвастаться знакомством лишь с главами французских департаментов. Выступая перед послами в августе 2011 г., Саркози обозначил некоторые внешнеполитические темы своей предвыборной кампании: свержение Каддафи, преобразование системы управления мировой экономикой, необходимость иметь во время кризиса президента, который посещает международные встречи в верхах...

Почему он не реализовал эту избирательную программу? В то время успех в Ливии стал менее очевидным, а многочисленные предложения Франции на саммитах «Большой восьмерки», «Большой двадцатки» и в рамках встреч Европейского союза не привели ни к созданию новой системы управления мировой экономикой, ни к преодолению кризиса евро. Поэтому Саркози рассудил, что у него нет оснований делать вопросы мировой политики приоритетом кампании. Олланд, в свою очередь, принял в расчет, что эксплуатация подобных тем не приносит победы на выборах, и постарался свести к минимуму свои поездки.

В ходе дебатов, которые во Франции традиционно устраивают после первого тура президентских выборов между двумя финалистами, международных дел коснулись только в конце эфира. Да и то их рассматривали сквозь призму вопросов, имевших скорее эмоциональную и личную окраску, чем относящихся к государственной стратегии. Так, затронули судьбу солдат в Афганистане (но не целесообразность военного вмешательства в дела других стран) и ситуацию с французскими заложниками в Мали (но не судьбу Африки или природу отношений между Францией и Черным континентом).

Однако стратегические вопросы небезразличны французам, а их решение находится в компетенции президента республики. Избрать президента в равной степени означает выбрать того, кто будет «лицом» страны для внешнего мира, кто станет проводником дипломатии и военной политики, кто имеет право в случае крайней необходимости прибегнуть к ядерному оружию.

ДВЕ ЛИНИИ

Во Франции существуют разные подходы к стратегическим вопросам; линия раскола проходит не между правыми и левыми, а между теми, кто представляет «платформу де Голля–Миттерана», с одной стороны, и «атлантистами» – с другой. Или, по последней версии, «западническое» и «неоконсервативное» направления. Адепты последнего считают, что самым важным фактором времен холодной войны была коммунистическая угроза. Теперь над западным миром нависли другие угрозы, такие как исламизм или возрас-

тающая мощь Китая. Чтобы противостоять им, нужно безоговорочно примкнуть к линии, проводимой Соединенными Штатами, – единственной страны, которая имеет возможность справиться с этими «экзистенциальными» угрозами. Представители линии «де Голля–Миттерана» полагают, напротив, что безусловным приоритетом должна оставаться независимость Франции. Союз с США ни в коем случае не равнозначен подчинению. Париж должен любой ценой сохранять поле для маневра и множить число партнеров, для того чтобы иметь возможность отстаивать собственные интересы. По мнению представителей этой линии, даже в сегодняшнем стандартизированном мире Франция сохраняет специфическую роль на мировой арене. Этот водораздел проходит через две главные политические партии страны – Союз за народное движение и Социалистическую.

Саркози подчеркивал принадлежность Франции к западному лагерю с настойчивостью, которой не отличался никто из его предшественников, хотя из прагматических соображений и признавал многополярность мира. Перед его избранием в 2007 г. он объявил о разрыве с «голлистами», но так и не выполнил своего обещания. Подлинные стратегические революции в сфере дипломатии сравнительно редки; всегда во главе угла стоит преемственность, не зависящая от чередования выборных должностных лиц. Колебания политического курса происходят всегда, революции – редко.

Наставниками Олланда были Франсуа Миттеран и Жак Делор. Нельзя отрицать его приверженности созданию общей Европы, хотя он не возлагает больших надежд на федерализацию. Олланд более последовательно придерживается «голлистской» линии, чем Миттеран, хотя пока делает это скорее инстинктивно, нежели осмысленно. Выбор министров (Лорана Фабиуса в качестве руководителя внешнеполитического ведомства, Жан-Ива Ле Дриана – главой министерства обороны) и их окружения подкрепляет приверженность этому курсу.

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОРЫВ

Хотя в предвыборной кампании Олланд подчеркнуто не касался международных вопросов, стоило ему взять в руки бразды правления, как он ринулся в самую гущу внешней политики. Последовали саммиты европейских лидеров, связанные с кризисом евро (точнее было бы определить его как «кризис задолженности европейской экономики»); казалось, что само существование общеевропейской валюты находится под угрозой и что она может не дожить до следующего саммита «Большой восьмерки» и НАТО в мае 2012 года.

Хотя большая часть глав государств и правительств в ходе французской президентской кампании явно симпатизировала Саркози, Олланд стал звез-

дой саммитов, на которых появился впервые. В этом не было ничего противоестественного. Франция продолжает оставаться страной, играющей важную роль на международной арене, и фактор новизны, а для некоторых и неизвестности, вызывал довольно сильное любопытство к недавно избранному президенту, с которым придется иметь дело в ближайшие пять лет. Олланд не одинок в своем желании не ограничивать экономические проекты режимом жесткой экономии, за который ратовала Ангела Меркель, но в равной степени работать и над программами, направленными на активизацию данной сферы; в этом его поддержали другие европейские лидеры. Он продолжил попытки примирить позиции Германии и южной Европы. Конечно, стараниями не одного только Олланда теперь как будто преодолен так называемый кризис евро и больше не слышно разговоров о возможном разделении еврозоны. А ведь 2011-й и начало 2012 г. были отмечены проведением следовавших один за другим саммитов, которые объявлялись «последним шансом» спасти евро.

Олланд продолжил свою линию и на саммите НАТО. Ранее он объявлял о намерении досрочно вывести французские войска из Афганистана. Обама, встревоженный таким решением, проявил достаточно такта, чтобы не пытаться отговорить коллегу. Как мог только что избранный президент, не потеряв доверия к себе на национальном и международном уровнях, отречься от одного из своих немногих программных обещаний по международной повестке дня, да еще перед выборами в парламент? Взамен Олланд пошел навстречу Обаме и не стал афишировать разногласия с Америкой по программе противоракетной обороны, воздержался от констатации провала операции западных войск в Афганистане и не повторил критических высказываний относительно реинтеграции Франции в НАТО, которые он позволил себе в 2009 году.

Олланд приступил к составлению т.н. «белой книги» по вопросам обороны. Впервые подобный документ появился во Франции в 1972 г., когда под эгидой тогдашнего министра обороны Мишеля Дебре, бывшего премьер-министра генерала де Голля, французская доктрина ядерного сдерживания, существовавшая лишь теоретически, была концептуализирована и увековечена на бумаге. С тех пор были составлены еще две «белых книги», но они не были столь же авторитетны, как первая. Инициатива Олланда, похоже, имеет целью подвести концептуальную основу под намеченное снижение военных расходов, призванное сократить бюджетный дефицит.

Данная проблема коснулась всех западных государств. Но Франсуа Олланд предварительно потребовал доклада о результатах возвращения Франции в объединенные командование НАТО у Юбера Ведрина, одного

из ближайших советников Миттерана по внешней политике, возглавлявшего министерство иностранных дел с 1997 по 2002 год. Ведрин представляет «голлистскую» линию в левом лагере. Социалисты, в том числе и сам Олланд, резко критиковали возвращение Франции в лоно НАТО с тех пор, как Саркози в 2009 г. приступил к осуществлению этого проекта. Ведрин в своем отчете высказывался о нем критически. Вопреки аргументам, которые приводили сторонники реинтеграции Франции в структуры альянса, этот процесс отнюдь не способствовал укреплению европейской политики безопасности и обороны. Тем не менее Ведрин рекомендовал не менять позиции по вопросу, который затрагивает международный престиж страны. Париж не может пересматривать базовые направления политики при каждой смене власти. В то же время Ведрин настаивает на большей активности Франции в НАТО, для того чтобы ее голос был более ясно различим. По его мнению, Париж не должен пассивно соглашаться с любыми предложениями Америки, особенно в отношении противоракетного щита. Хотя военный бюджет стал, как и другие статьи бюджета, объектом режима экономии, наихудших сценариев, которые могли бы поставить под сомнение обороноспособность Франции, удалось избежать.

Президент хочет, чтобы дипломатия имела продолжение в экономике, способствуя преодолению экономического и социального кризиса, в котором оказалась Франция. Так, например, Лоран Фабиус во время конференции послов в августе 2012 г. настаивал на необходимости проведения некоей экономической дипломатии.

Начав президентскую карьеру как поборник мультикультурализма, Саркози закончил ее выпадами против мусульман и иммигрантов. Считалось, что такая линия сузит политическое пространство крайне правых, добавив голоса Союзу за народное движение. Результаты Марин Ле Пен на выборах показывают, что на национальном уровне эта стратегия потерпела полный крах. На международной арене она привела в первую очередь к ухудшению имиджа Франции, особенно в мусульманских странах и в Африке.

АФРИКА – ПРИОРИТЕТ

Во время первой после избрания рабочей поездки Олланда в Африку в октябре 2012 г. со стороны главы французского государства не последовало ни мелодраматических речей, ни театральных жестов. Он был серьезен и дал ряд обещаний, которые пока, правда, не подтверждены делами, но вызвали положительную реакцию на африканском континенте.

Не осталась без внимания его критика «Франкафрики» – французской постколониальной политики в Африке. Об этом говорят уже не в первый

раз. В свое время Саркози тоже резко выступал против этого курса, но потом смирился с ним. Впрочем, еще нужно определиться с тем, что называть отказом от «Франкафрики». Дело не в отказе от проведения определенной политики в Африке, а в избавлении от порочных связей с наиболее скомпрометировавшими себя режимами, в которых экономическое отставание и коррупция сочетаются с отсутствием демократии и нарушением прав человека.

В Африке, как и на других континентах, Франция не может поддерживать отношения исключительно со стабильными демократиями. Она не должна выступать в роли ментора, если не хочет добиться обратного эффекта, вызвать раздражение и оказаться в изоляции. Но Франция может и должна постепенно перестраивать отношения, выделяя те государства, которым она благоприятствует, и те, от которых хочет дистанцироваться. Отход от «франкафриканской» политики будет осуществляться постепенно, под давлением гражданских обществ Африки и Франции. Во всяком случае, они будут внимательно следить за обязательством покончить с эксцессами прошлого, данным Парижем.

Новый президент Пятой республики оказался перед необходимостью посетить Саммит Франкофонии в Киншасе. Как пропагандировать французскую культуру, если Париж не участвует в подобных форумах? Но как поехать в Киншасу, не создав впечатление, что ты потворствуешь режиму Кабилы, законность которого вызывает сомнения? Париж, не желавший отказываться от влияния в регионе, не мог бойкотировать саммит, на который съехались главы африканских государств. Но Париж не остался здесь сторонним наблюдателем. Олланд не оказал поддержки Кабиле, однако встретился с оппозицией. Он публично выступил в защиту прав человека. Это определено было гораздо более эффективным способом сдвинуть ситуацию в Демократической Республике Конго с мертвой точки, нежели отказ от визита в страну. Столь же показательным решением о предварительной поездке в Сенегал, считающийся образчиком демократического государства на африканском континенте: Сенгор был первым президентом, добровольно передавшим власть преемнику – Абду Диуфу, который, в свою очередь, стал первым президентом, признавшим свое поражение на выборах и смену власти, и следующий президент – Вад – после долгих колебаний сделал то же самое.

Но если Франция не боится обновления отношений с Африкой в тот момент, когда оказанная ей финансовая помощь рискует подорвать объявленный режим бюджетной экономии, она должна в первую очередь приложить усилия для решения вопроса о визах, необходимость получения которых

многие считают чем-то дискриминационным и унижительным. Олланд взял на себя ответственность в деле, осуществление которого потребует особого контроля. Он обязался не препятствовать процедурам изъятия нечестно нажитого имущества. Это должно стать ощутимым признаком окончания «франкафриканской» политики.

О поездке Франсуа Олланда в Алжир в декабре 2012 г. было объявлено заранее как о событии чрезвычайной важности. Она имела прагматические цели.

Во-первых, наладить двусторонние отношения, ухудшившиеся за прошедшее пятилетие, несмотря на первоначальную доброжелательность Саркози и лелеемые им мечты по созданию некоего средиземноморского союза. В последний период пребывания у власти Саркози воспринимался как политик, враждебный мусульманам и иммигрантам. Это не могло не вызвать соответствующего резонанса в Алжире, равно как и у французов алжирского происхождения. В результате большая часть последних проголосовала за Олланда.

В представлении и Олланда, и Саркози внешняя политика неотделима от задач политики внутренней. Но выводы из этого они делают разные. Прежний президент считал, что получит дополнительные голоса, если станет демонизировать выходцев из стран Магриба, а нынешний – если он будет говорить с ними о примирении и необходимости жить вместе. Признание ответственности Французского государства за кровавое подавление мирной манифестации алжирцев в Париже 17 октября 1961 г., во времена войны за независимость, было позитивно воспринято жителями Алжира и французами алжирского происхождения. Поддержка, которую после долгих колебаний Франция оказала Палестине в ее стремлении стать страной-наблюдателем при ООН, сыграла столь же положительную роль.

БЛИЖНИЙ ВОСТОК: КОРРЕКТИРОВКА КУРСА

Пообещав в ходе предвыборной кампании признать Палестину, Олланд потом как будто засомневался. Возможно, он руководствовался соображениями внутренней политики, не желая вызвать недовольство еврейских организаций Франции, которые выражают безусловную поддержку действиям израильского правительства. Либо хотел расположить к себе израильское руководство, дав ему в начале своего президентства определенные гарантии.

Хоть и с большим трудом, Лоран Фабиус убедил президента признать Палестину, что позволило Парижу избежать действий, идущих вразрез с ее традиционной линией. Французской республике, которая давно билась за признание права палестинцев на собственное государство, не пристало уходить в сторону в тот момент, когда эта борьба начала пользоваться широкой международной поддержкой.

Наибольшее число критических выпадов против Олланда было связано с Сирией. Сторонники Саркози противопоставляли решительность последнего во время ливийских событий неспособности Олланда найти выход из сирийского кризиса. Хотя жестокая гражданская война в Сирии действительно еще далека от завершения, само сравнение с ситуацией в Ливии некорректно.

Во-первых, именно потому, что западные государства изменили смысл резолюции ООН 1973 по Ливии – перейдя от обязательства защищать страну, поддержанного Россией и Китаем, к намерению свергнуть правящий режим, Москва и Пекин отказываются сегодня дать «зеленый свет» новой резолюции Совета Безопасности. Несопоставимы также военная и стратегическая ситуации. Сирийская армия имеет гораздо больший военный потенциал, чем имела армия Ливии. Кроме того, военное вторжение в Сирию, не санкционированное Совбезом, не только не приведет к быстрому успеху, но может обернуться катастрофой. Стоит заметить также, что в отношении Сирии мы не наблюдаем такой ситуации, когда одна страна (Франция) сдерживала бы порыв других государств (США, Великобритании), которые хотели бы более решительных действий. Все западные державы, принимавшие участие в ливийской кампании, имеют общую позицию, которая заключается в военном невмешательстве в происходящее в Сирии.

Именно по сирийскому вопросу между Парижем и Москвой существуют наибольшие разногласия. Последние создают во французской прессе и в общественном мнении отрицательный образ России – страны, защищающей свои интересы в ущерб соблюдению прав человека. Но это не должно привести к разрыву между Францией и Россией. Есть стратегические задачи, по которым обе страны – постоянные члены Совета Безопасности ООН – могут и должны сотрудничать. В равной степени они имеют общие экономические и торговые интересы. Париж и Москва, не будучи связаны союзом, должны развивать многосторонние партнерские отношения.

Олланд проводит политику примирения с государствами, с которыми у Франции испортились отношения во время президентства Саркози. Японию задело то, что прежний французский президент не нанес официального визита в их страну, при этом сделал обидные замечания про национальный японский вид спорта – сумо. Саркози постоянно повторял, что Турции не место в Европейском союзе; отношения с Мексикой тоже стали напряженными после отмены года Мексики во Франции, вызванной заключением в мексиканскую тюрьму французской подданной. Выступление Саркози в Дакаре в 2007 г., в котором он объявил, что африканцы не имеют своего места в истории, в Африке сочли оскорбительным.

* * *

По своему темпераменту Олланд – человек, склонный объединять, тогда как в характере Саркози скорее просматривается склонность к разобщению. Олланд отличается уравновешенным характером. Саркози более импульсивен, причем настолько, что рискует вызвать раздражение у некоторых партнеров. По общему мнению, фамильярные манеры Саркози должны были показаться развязными и даже грубыми главам многих государств и правительств. Олланд не вызывает подобных упреков.

Но если забыть о личностных отличиях двух лидеров, мы почти не увидим изменений в статусе Франции. Она не стала сверхдержавой, но продолжает оставаться страной, имеющей вес в мире, кто бы ни был ее президентом. В сущности, из этого вытекает необходимость выработать прагматический подход к политике в русле линии «де Голля–Миттерана». Франсуа Олланд еще не определился с глобальным подходом к меняющемуся миру и той роли, которую должна играть в нем Франция.